

ДЕБЮТ

DEBUTE

Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 46—66.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 2. P. 46—66.

Научная статья

УДК 94:316(47+57)"1920/30"

EDN <https://elibrary.ru/zluoxc>

DOI: 10.46725/IW.2025.2.3

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ В УСЛОВИЯХ СИБИРСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ССЫЛКИ 1920-Х ГГ.

Павел Евгеньевич Добрачев

Новосибирский государственный университет, Новосибирск,
Россия, p.dobrachev@g.nsu.ru, SPIN-код 2518-0698,
<https://orcid.org/0009-0005-0803-914X>

Аннотация. В статье рассматриваются жизненные траектории шести представителей интеллигенции, сосланных в 1920-е гг. в Сибирь в административном порядке. Изучение адаптаций интеллигенции к «агрессивной внешней среде» позволяет выявить стратегии ее поведения в бифуркационных средах. Поднимается вопрос о типических чертах, характерных для подвергнутых внесудебным репрессиям специалистов, стремившихся к сохранению своей идентичности. В работе на макроуровне используется теория «силовых полей» А. Людтке, на микроуровне — социология адаптаций Л. В. Корель, при обработке эмпирического материала применяется биографический метод. В ходе исследования выявлены неизвестные ранее факты биографии лиц, осужденных в ходе известного политического процесса («Шахтинский процесс» 1928 г.) и сфабрикованного региональным ОГПУ т. н. «Западносибирского белогвардейского заговора» 1933 г. Сделан вывод о приоритете конформистских стратегий поведения репрессированной интеллигенции, выявлены

© Добрачев П. Е., 2025

обусловившие их причины. Установлено, что данные стратегии впоследствии уже не являлись защитным механизмом в период «Большого террора».

Ключевые слова: Интеллигенция, Сибирь, биографический метод, высылка и ссылка, адаптация, «Шахтинский процесс», социалисты, конформизм, социальная история, маргинальность, 1920-е годы, жизненные траектории, биография

Для цитирования: Добрachev P. E. Жизненные траектории репрессированных интеллигентов в условиях сибирской административной ссылки 1920-х гг. // Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 46—66.

Original article

THE LIFE TRAJECTORIES OF THE REPRESSED INTELLECTUALS IN THE CONDITIONS OF THE SIBERIAN ADMINISTRATIVE EXILE OF THE 1920s

Pavel E. Dobrachev

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, p.dobrachev@g.nsu.ru, SPIN-код 2518-0698, <https://orcid.org/0009-0005-0803-914X>

Abstract. The article examines the life trajectories of six intellectuals who were administratively exiled to Siberia in the 1920s. The study of the intelligentsia's adaptations to the “aggressive external environment” makes it possible to identify strategies for their behavior in bifurcation environments. The question is raised about the typical features characteristic of specialists subjected to extrajudicial repression who sought to preserve their identity. The work uses the theory of “force fields” by A. Ludtke at the macro level, the sociology of adaptations by L. Korel at the micro level, and the biographical method is used in processing empirical material. The study revealed previously unknown facts of the biography of persons convicted during the famous political process (the “Shakhty trial” of 1928) and the so-called “West Siberian White Guard conspiracy” fabricated by the regional OGPU in 1933. The conclusion was made about the priority of conformist strategies of behavior of the repressed intelligentsia and the reasons for them were established.

Keywords: Intelligentsia, Siberia, biographical method, expulsion and exile, adaptation, “Shakhty process”, socialists, conformism, social history, marginality, 1920s, life trajectories, biography

For citation: Dobrachev, P. E. (2025), ‘The life trajectories of the repressed intellectuals in the conditions of the Siberian administrative exile of the 1920s’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 46—66 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Репрессивная политика в Советском государстве зачастую изучается с помощью количественных междисциплинарных методов, оперирующих цифрами и массовыми данными. При таком подходе социальная сторона репрессий редуцируется — за цифрами и упоминаемыми фамилиями теряются зачастую уникальные биографии, требующие более подробного изучения. Погружение в жизнь отдельных индивидов позволяет реконструировать вехи претерпевания репрессированной интеллигенцией дисциплинарной власти со стороны государства: биографию до ссылки в Сибирь, вынужденную смену деятельности в условиях репрессии и степень влияния власти на повседневную жизнь. Кроме того, тема высылки и ссылки в 1920-е гг. по-прежнему остается относительно неразработанной, особенно с точки зрения изучения адаптаций групп и категорий репрессированных во внесудебном, административном, порядке.

Постановка вопроса. Цель публикации состоит в выявлении жизненных траекторий представителей интеллигенции, отбывавших сибирскую ссылку, воссозданную большевистским режимом после окончания Гражданской войны. Внимание акцентировано на реконструкции жизненных путей выбранных персон в трех состояниях: а) предшествовавших репрессий; б) сопутствовавших пребыванию в ссылке в 1920-е гг.; в) завершивших ссылку репрессий 1930-х гг. Биографический анализ выступает эмпирической основой для выявления адаптационных практик ссылкой интеллигенции в условиях несвободы и установления типических черт в изученных жизненных траекториях репрессированных.

Историография. Активное изучение темы началось в рамках «архивной революции» 1990-х гг. Большой вклад в изучение высылки и ссылки 1920-х гг. внес С. А. Красильников [Красильников, 1994]. Автор впервые в историографии коснулся данной темы и высказал обоснованное предположение, что данный репрессивный институт стал «жестче» по сравнению с дореволюционным, но в то же время был относительно «гуманен» по сравнению с дальнейшими массовыми репрессивными операциями большевиков, сопровождавшимися массовыми высылками (коллективизация, национальные операции и др.), т. е. выступил своеобразным «переходным» периодом. Не обошел исследователь и

повседневной стороны вопроса: он выявил основные категории ссыльных, разногласия между политическими группировками внутри ссылки (эсеры и меньшевики, троцкисты и остальные социалисты — и др.). Другим историком, внесшим большой вклад в изучение темы высылки и ссылки 1920-х гг., является В. И. Пинкин [Пинкин, 2002]. В своей диссертации он коснулся темы культурной деятельности интеллигентов в ссылке, однако их биографии не выступали объектом исследования, являясь, скорее, дополнением к работе. Следует отметить биографический труд Я. А. Яковлева, посвященный известному социалисту-революционеру Д. Д. Донскому [Дмитрий Дмитриевич Донской, 2000].

Корпус источников. Базовыми источниками выступает делопроизводственная документация различных учреждений, прямо или косвенно задействованных в обеспечении ссыльного режима. Значительную часть из них составляют заявления интеллигентов в комиссии райкомов г. Новосибирска о восстановлении в избирательных правах¹. Данные документы представляют собой личные дела «лишенцев», подававших в органы власти заявления, автобиографии, трудовые книжки и т. п. для демонстрации своей «лояльности». Безусловно, данные источники тенденциозны и не отличаются искренностью, однако они позволяют с разной степенью подробности реконструировать биографии изучаемой группы до первой половины 1930-х гг., а в отдельных случаях и для более поздних периодов. Автобиографии являются в определенной степени источником личного происхождения, но поскольку они проходят обработку со стороны государственных ведомств («ассистирование» со стороны власти), то те данные, которые могли бы служить объяснением поведения объекта исследования, выхолащаются и подменяются информацией о стаже и трудовых заслугах [Флиге, 2005].

Вторую группу источников данного типа составляют ведомственные личные дела интеллигентов, позволяющие судить об их трудовой деятельности в условиях ссылки. Другой вид источников,

¹ Практика лишения избирательных прав была юридически закреплена декретом ВЦИК «Об административной высылке» от 10 августа 1922 г. В соответствии с ним репрессируемый лишался активных и пассивных избирательных прав на время наказания.

который позволяет судить о функционировании высылки и ссылки в регионе, — *докладные записки и сводки охранительных ведомств* (НКВД РСФСР, ОГПУ, прокуратуры) о положении ссылочных.

Наконец, самый важный, но в то же время и крайне редкий вид источников, позволяющий судить о ментальности интеллигенции в условиях репрессий, — *источники личного происхождения* — также используется в работе. Речь идет о семейной переписке, принадлежавшей отбывавшему фактически бессрочную ссылку в Нарымском крае Д. Д. Донскому (известному члену ЦК партии социалистов-революционеров) и опубликованной Я. А. Яковлевым в указанном выше документальном издании [Дмитрий Дмитриевич Донской, 2000].

Методология и методы исследования

В качестве методологии на макроуровне используются положения основоположника истории повседневности — немецкого историка А. Людтке, в частности его концепция «силовых полей» — систем, проникающих в жизнь индивидов и конструирующих ее. В их числе находятся власть (государство) и миграции [Людтке, 2010]. На микроуровне мы оперируем положениями «социологии адаптаций» и типами социального действия М. Вебера. В ряду методов, помимо конкретно-исторических (историко-сравнительный, историко-генетический методы), применяется и междисциплинарный (биографический) [Рождественская, 2012].

Основная часть

Предварительные замечания

Институт административной высылки и ссылки был возрожден большевиками вскоре после окончания Гражданской войны: первоначально он использовался против участников «антоновщины», затем объект его применения был расширен до «контрреволюционеров» и «уголовников». Данная репрессия характеризовалась внесудебным характером: процесс судопроизводства не начинался, решения принимались чрезвычайными органами — Комиссиями при НКВД, а затем — Особыми совещаниями ОГПУ. Вынесение решения о внесудебной высылке и ссылке не требовало присутствия ответчика, зачастую не подразумевалось даже наличие факта преступления: лицо могло быть выслано «по подозрению», как бы в превентивном порядке [Пинкин, 2002: 29—62].

Петлюровец, переживший Сталина

Андрюсов Петр Максимович (1897 — после 1958), крестьянин по происхождению, родился в с. Дальнике Одесской губернии². До 1914 г. он учился. С 1915 по 1917 гг. участвовал в Первой Мировой войне в качестве мобилизованного на Карпатском фронте, дослужился до офицерских чинов. Далее Гражданская война вносит некоторые неясности в его биографию. В нашем распоряжении есть *два документа*, раскрывающих его судьбу в период с 1917 по 1921 гг.: анкета самого Андрюсова как «лишенца», датируемая 1932 г.³, и краткая справка из следственного дела по «Белогвардейскому заговору»⁴. Согласно анкете, он не служил в Белой армии: был мобилизован Петлюрой в 1917 г., но освобожден от службы как учащийся. С 1917 г. по 1919 г. «учился». В 1919 г. добровольно вступил в ряды Красной армии — «сражался против Деникина и поляков на Украине». В 1920 г. попал в польский плен и вернулся в 1921 г.⁵

Второй источник характеризует судьбу Андрюсова в данный период совсем под другим углом: «б/б офицер⁶ ... в 1918 году окончил Николаевскую военную школу плавания, в 1920 году окончил Киевские арткурсы и был назначен ком[андиром] белого дивизиона, служил в армии Гетмана в 17 Александрийском полку в г. Николаеве в чине поручика, в 1920 году служил добровольцем в армии Петлюры в чине поручика, до 1921 г. находился в Польше...»⁷. Возникает явное противоречие. Конечно, необходимо учитывать тенденциозность обоих источников: в первом случае Андрюсов, будучи автором анкеты, демонстративно выказывает лояльность большевистскому режиму для pragматической цели —

² В следственном деле об участниках «Западносибирского белогвардейского заговора», сфальсифицированного дела, указано, что Андрюсов родился в 1898 г., в то время как личное дело «лишенца» и открытые базы данных указывают 1897 г. рождения.

³ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1346. Оп. 2. Д. 4. Л. 4—4 об. (далее: ГАНО).

⁴ Архив Управления ФСБ по Новосибирской области. Д. 7285. Т. 20. Л. 244 (далее: АУ ФСБ РФ НСО).

⁵ ГАНО. Ф. Р-1346. Оп. 2. Д. 4. Л. 4—4 об.

⁶ «Б/б» — бывший белый.

⁷ АУ ФСБ РФ НСО. Д. 7285. Т. 20. Л. 244.

возврата избирательных прав. В данной ситуации замолчать некоторые подробности своей биографии представляется вполне обоснованным и отвечающим его цели. Но нельзя не учитывать и полностью сфабрикованный сибирскими чекистами характер «Белогвардейского дела», при котором «белые пятна» биографии могли служить доказательством вины обвиняемого. Вероятнее всего, Андросов действительно служил в рядах белых, поскольку он также числился в составе б/б офицеров на учете ГПУ Украины⁸.

Неизвестно, как Андросов вернулся в Россию и где проживал до 1928 г., но есть информация, что он состоял на службе инструктором по физической культуре в различных советских учреждениях. В 1928 г. «по подозрению» в ст. 58 УК РСФСР он был административно выслан ОСО ОГПУ⁹ в Новосибирск на 3 года с последующим «минусом 72»¹⁰. Попав в Новосибирск, он, «имея высшее образование по водному спорту», работал преподавателем плавания в школе пловцов Сибкрайсовпрофа. На следующий год он был принят на работу в «Динамо» в качестве инструктора и начальника водной станции, где проработал вплоть до своего ареста в 1933 г. в рамках уже названного «белогвардейского дела». Постановлением Коллегии ОГПУ от 5 августа 1933 г. Андросов был приговорен к 10 лет ИТЛ по обвинению в статьях 58-2, 58-6, 58-11 УК. Но в определенном смысле Петр Максимович Андросов смог избежать пика репрессивной политики второй половины 30-х годов, поскольку уже находился

⁸ Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины: в 4 т. / предисл. Я. Ю. Тинченко. Т. I: А (Абаз) — Г (Гагузов). Харьков: САГА, 2011. URL: <https://forum.vgd.ru/3299/117089/0.htm?ysclid=m1f6y28li2977610103> (дата обращения: 25.09.2024).

⁹ ОСО ОГПУ (Особое Совещание ОГПУ) — внесудебный орган, состоявший из 3 членов коллегии ОГПУ, созданный 28 марта 1924 г. Главный орган, выносящий решения об административной высылке и ссылке и заключении в концлагерь. Существовали союзные Особые Совещания, использовавшиеся для осуществления внесудебных репрессий против бандитов, рецидивистов, тунеядцев.

¹⁰ «Минус» — система ограничений для свободного посещения определенных территорий. Например, «минус 6» означал запрет на проживание в 6 крупнейших городах СССР — и т. д.

в лагере¹¹. Он отсидел весь срок и был осужден в 1942 г. по ст. 58-10 на повторные 10 лет лагерей в системе Норильлага НКВД¹².

Андросов был освобожден в 1952 г., а с 1954 г. жил и работал в Норильске¹³. Последние сведения о его судьбе относятся к 1958 г.: Главная Военная Прокуратура в рамках надзорного производства собирала информацию о выживших участниках «Белогвардейского дела», и в их числе оказался Андросов. Список выживших сопровождался указанием адресов проживания на момент проверки.

Жизненная траектория Андросова поражает географическим размахом его пребывания (Одесская губерния — Польша — Новосибирск — Норильск) в рамках вынужденных перемещений, или, по терминологии А. Людтке, «силового поля» миграций. Постоянные перемещения в пространстве требовали адаптации к внешней среде. При этом, хоть у нас и нет сведений о лагерном пребывании Андросова, составившем практически 20 лет, период его жизни в Новосибирске в качестве преподавателя-инструктора можно интерпретировать как продуктивный: П. М. Андросов премировался за ударный труд и, что более важно, не вступал в конфронтацию с режимом, а пытался «влиться» в него, что выражалось в попытке возврата избирательных прав. Другая важная черта: биография Андросова примечательна тем, насколько прошлая траектория жизни (участие в белом движении) определила всю его дальнейшую судьбу. Он был административно выслан в Сибирь, затем, уже как «бывший», стал «лишенцем», оказался «под прицелом» «охранительных» органов. По выражению

¹¹ Из 225 «активных участников контрреволюционной белогвардейской организации» часть была расстреляна в 1933 г. (28 чел.), остальные получили сроки в лагерях или высланы в пределах Западно-Сибирского края. Часть осужденных была отправлена на Соловки (ок. 80 чел.), остальные — остались на «материке». Большая часть тех, кто был осужден на сроки, погибли в годы «Большого террора». URL: <https://bsk.nios.ru/enciklopediya/belogvardeyskiy-zagovor?ysclid=mbthx18u73928115347> (дата обращения: 24.09.2024).

¹² Андросов Петр Максимович (1897). URL: [https://ru.openlist.wiki/Андросов_Петр_Максимович_\(1897\)](https://ru.openlist.wiki/Андросов_Петр_Максимович_(1897)) (дата обращения: 24.09.2024).

¹³ АУ ФСБ РФ НСО. Д. 7285. Т. 7. Л. 63.

В. Паперного, поиск и разработка подробностей прошлого, устремленность не в будущее, а в прошедшее является одной из определяющих черт «Культуры Два». Именно по этой причине репрессивный аппарат обращает особое внимание на прошлое¹⁴ [Паперный, 2022].

Сотрудник Сиблана

Николай Яковлевич Брянцев (1889—1937) — лицо известное среди исследователей, занимающихся Сибирью 1920-х гг., прежде всего, благодаря своей профессиональной работе как специалиста в сфере планирования и деятельности по изучению Сибири. Он родился в 1889 г. в Варшаве в семье служащих. В партиях не состоял. В 1914 г. окончил Императорский Политехнический институт в Варшаве по специальности «горный инженер». В Первой Мировой войне не участвовал, во время Гражданской войны занимал снабженческие должности в Красной армии. С 1921 по 1923 гг. Н. Я. Брянцев состоял на службе в советских учреждениях: председателем горного комитета Юга России, начальником горной промышленности Украинской ССР, экономистом-референтом НКВТ¹⁵. Затем, уже на волне НЭПа, в 1923 г. Брянцев стал учредителем акционерного общества «Мосдомтоп», оказывающего строительно-жилищные и снабженческие (обеспечение топливом) услуги. В апреле 1924 г. члены правления общества в результате обвинения по ст. 188 УК были подвергнуты административной высылке в Сибирь¹⁶. Уже в 1923 г. ОГПУ получило право административной высылки в отдаленные места «накипи НЭПа» — лиц, занимающихся спекуляцией, «черных биржевиков» — одним словом, тех, кто имел возможность вести независимое от государства существование [Пинкин, 2002: 50]. Попав в Нарымский край, Брянцев практически сразу был переведен, по согласованию

¹⁴ Под «Культурой Два» Паперный понимает в контексте Советской России период, примерно соответствующий диктатуре Сталина. Хотя эта концепция является культурологической, автор делает справедливые замечания о постоянно возрастающем влиянии прошлого на жизнь общества в сталинской России.

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2л. Д. 91. Л. 27 об.

¹⁶ Инженеры Зуев, Брянцев и Скоробогатов по обвинению в мошенничестве были высланы в Нарымский край сроком на три года и последующим «минусом 6». Там же. Л. 11—11 об.

с ОГПУ, в Новониколаевск для работы в Сибплане¹⁷. Он был зачислен на должность сотрудника в ноябре 1924 г. по 14-му разряду 17-разрядной тарифной сетки, со спецставкой 120 руб. в месяц. Важно отметить, что 14-й разряд тарифной сетки присуждался ИТР, относящимся к высшему административно-техническому персоналу. В течение 2-й половины 1920-х годов Брянцев был активистом «Общества изучения Сибири» и регулярно публиковался в местных газетах и журналах¹⁸. Инженер участвовал в работе Первого сибирского краевого научно-исследовательского съезда 1926 г., где выступал с докладом «Перспективы развития Кузнецкого каменноугольного бассейна». В 1929 г. ОГПУ обвинило Брянцева в «шпионаже в поддержку Польши», однако обвинение оказалось настолько бездоказательным, что в 1930 г. он был восстановлен в избирательных правах, продолжил научные изыскания и проектные работы, связанные с топливно-энергетической и химической промышленностью Сибири.

17 марта 1933 г. Брянцев был обвинен в участии в «Белогвардейском заговоре». Он проходил по одному внесудебному процессу вместе с П. М. Андросовым и тоже был приговорен к 10 годам ИТЛ, но Брянцева этапировали на Соловецкий архипелаг. Находясь в Соловецком лагере, Брянцев работал в химической лаборатории вместе с П. А. Флоренским, исследовал водоросли на побережье Белого моря, занимался йодной проблемой¹⁹. Брянцев был вывезен в составе первого «соловецкого этапа»

¹⁷ Сибплан (Сибирская плановая комиссия) — учреждение, созданное в общей системе плановых органов Союза для управления национализированной экономикой Сибири. Наряду с Брянцевым, в Сибплан был переведен инженер П. Д. Зуев. И. Г. Скоробогатов, высланный вместе с ними по делу «Мосдомтоп», был переведен в Марийинск для работы в Сибпромбюро.

¹⁸ Пребывает вечно: Письма П. А. Флоренского, Р. Н. Литвинова, Н. Я. Брянцева и А. Ф. Вангенгейма из Соловецкого лагеря особого назначения: в 4 т. Т. 1. М., 2011. С. 46.

¹⁹ «Йодная проблема» была связана с тем, что при получении йода из водорослей на Соловецких островах происходили огромные потери сырья. Брянцев активно разрабатывал новые методы для оптимизации процесса добычи йода и брома // Там же. С. 195—197.

в октябре 1937 г. в урочище Сандормох и расстрелян 27.10.1937 по решению «особой тройки» УНКВД Ленинградской области. Позднее жена Брянцева была направлена записка о том, что ее муж якобы скончался в лагере в 1945 г. Такая практика фальсификации обстоятельств смерти активно применялась чекистами. Начиная с 1956 г. его жена активно боролась за его реабилитацию и пересмотр «Дела Болдырева» («Белогвардейского дела» — П. Д.). Лишь в результате, как минимум, двухлетней переписки с прокуратурой Брянцев был посмертно реабилитирован²⁰.

На примере Н. Я. Брянцева мы можем проследить многовариантность биографии интеллигенции в годы ужесточения большевистского режима. Если в случае Андросова прослеживалась хоть какая-то связь с антибольшевистским движением, что служило основанием для дальнейших репрессий, то обвинения, выдвинутые против Брянцева, кажутся абсолютно мифическими. Обвинения в связях с Польшей обосновывались исключительно тем, что он родился, жил и обучался в Варшаве. Это касается и обвинения по «Белогвардейскому делу», основанного лишь на том, что Брянцев работал в Сиблане с лидером «организации» — бывшим генералом В. Г. Болдыревым. Что особенно характерно для биографии Брянцева — это постоянная научно-культурная деятельность: пик его исследовательской работы пришелся на годы вынужденной несвободы — нахождения в сибирской ссылке и последующего заключения на Соловках.

«Шахтинцы»

Обычно «Шахтинское дело» 1928 г. связывается с поворотом большевистской власти в сторону усиления репрессивной политики. Более того, этот процесс явился переломным моментом в отношениях технической интеллигенции и государства. Низовые формы дискриминации интеллигенции, вызванные разделением труда, существовали и в 1920-е гг.: рабочие часто конфликтовали со спецами, но «спецеедство», клеймение специалистов «форменносыцами» и пр. запускается с подачи государства именно в данный период²¹ [Ким, 2016: 50]. Речь пойдет о конкретных участни-

²⁰ АУ ФСБ РФ НСО. Д. 7285. Т. 7. Л. 74—75 об.

²¹ Отношение рабочих к буржуазным специалистам вплоть до «Шахтинского дела» редко выходило за рамки социально-экономических

ках Шахтинского процесса, обвиненных в участии в «к.-р. группировке», которые были в административном порядке высланы в Сибирь. Их личные дела, что было неожиданностью, оказались в фондах «лишенцев», хранящихся в Госархиве Новосибирской области.

Бредихин Александр Николаевич (1894—?). Родился в г. Азове. Из мещан. Служил в белой армии чертежником в Ново-черкасске. Образование высшее — Донской политехнический институт, инженерная специальность. До репрессии в 1928 г. занимал ряд руководящих должностей во Власовском рудоуправлении треста «Донуголь». Был арестован по «Шахтинскому делу» и административно выслан в Новосибирск. В Сибири работал в «Сибу gle», в 1929 г. был переведен в Томск в составе группы из нескольких человек, образовавших сибфилиал «Гипрошахт». Работал в «Шахстрое», затем в проектном секторе — проектном исправлении «Кузбассугля»²².

Секазан Эммануил Ильич (1888—?). Рожден в г. Караиме. Служащий. В 1922—23 гг. состоял членом горсовета г. Шахты. До репрессии трудился инженером треста «Донуголь». В 1928 г. в связи с «Шахтинским делом» был во внесудебном порядке выслан в Новосибирск. В Новосибирске работал в «Сибу gle», затем в СКСНХ (Сибрайсовнархозе) — ЗССНХ. Во время работы в сибирском совнархозе Секазан направлялся в командировки по обследованию рудников Кузбасса: в 1929 г. он был направлен для обследования Кемеровского, Ленинского и Прокопьевского рудников. Его отчет содержит информацию о техническом состоянии рудоуправлений и обеспеченности материалами²³. После 1932 г. состоял на службе в качестве старшего инженера горно-химического сектора в Управлении Уполномоченного Наркома Тяжелой Промышленности по Запсибирю. В 1933 г. был премирован за ударную работу по ликвидации последствий прорыва

повседневных конфликтов, связанных с уровнем зарплат или льгот. О «спецеедстве» см.: [Пыстина Л. И., Шер О. В., 2013: 54—109].

²² ГАНО. Ф. Р-1344. Оп. 2. Д. 215.

²³ Там же. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1472. Л. 1—18 об.

Киселевского рудника «Кузбассугля»²⁴. Дальнейшая его судьба не прослежена.

Определенного размыщения заслуживает тот факт, что высланные во внесудебном порядке оба участника «Шахтинского дела» — одного из крупнейших политических процессов в истории СССР — продолжали профессионально работать в ведущих организациях промышленности Сибири, имея успехи в трудовой деятельности. Таким образом, мы видим, что, несмотря на «антиспецовскую» индоктринацию общества, реальная нехватка трудовых ресурсов вынуждала использовать даже участников крупных политических процессов.

Наличие высокого культурно-образовательного уровня интеллигентов формировало *предадаптацию* — набор определенных признаков, составлявших потенциал для приспособления [Корель, 2005: 249]. В феврале 1927 г. прокурор Тарского округа Фрей как бы ненароком сообщил краевому прокурору: «Можно, пожалуй, не возражать против высылки лиц со специальным образованием: врачей, акушерок, ветеринаров, агрономов, инженеров, бухгалтеров, радиостов» [Ссылка в 1920-е годы, 1997: 227]. Интеллигенция как особая социальная группа имела высокий образовательный уровень и поэтому пользовалась спросом на трудовом рынке. Ценные трудовые ресурсы в лице ссыльных интеллигентов вполне осознанно и pragmatically использовались в советских учреждениях Новосибирска вплоть до начала 1930-х гг.

Социалисты

Особую группу административно высланных в Сибирь составляли репрессированные социалисты²⁵. Летом 1922 г. большевики запустили масштабные акции по высылке своих бывших «сопатников» по революционной деятельности. Итогом громкого судебного процесса социалистов-революционеров стали массовые

²⁴ Там же. Ф. Р-1344. Оп. 2. Д. 1366.

²⁵ Социалисты составляли значительное число от всех политических, попавших в Сибирь в 1920-е гг. Наиболее активно в Сибирь направляли социал-демократов, в то время как эсеры являлись меньшинством — местные партийные чиновники боялись влияния последних и призывали чекистов прекратить высылать эсеров на территорию Сибири. С 1924 г. высылка эсеров в Сибирь была прекращена.

заключения и ссылки. Среди известных эсеров, попавших в Сибирскую ссылку, следует назвать Дмитрия Дмитриевича Донского²⁶ (1881—1936) — члена ЦК ПСР, одного из основных фигурантов на суде над эсерами. Дмитрий Дмитриевич родился в Подольской губернии в семье врача. Образование высшее медицинское — окончил Мюнхенский университет. С 1905 г. состоял в ПСР. С 1917 г. вошел в ЦК партии эсеров. На судебном процессе первоначально был приговорен к расстрелу, но затем наказание заменили на ссылку в Нарымский край. С 1924 г. находился в ссылке в с. Парабель, занимаясь медицинской деятельностью в должности главврача районной больницы, вплоть до своего самоубийства в 1936 г. из-за ожидания неминуемого ареста. В 1937 г. в сфабрикованном чекистами деле о мифическом «Сиббюро ПСР» роль руководителя организации приписана Донскому [Дмитрий Дмитриевич Донской, 2000].

Будучи высланным «антисоветчиком», имеющим критическое отношение к большевикам, или же высланным по «кriminalной» статье, интеллигент зачастую избирал ту стратегию поведения, которая минимизировала бы риски. Проиллюстрировать подобную стратегию может пребывание Д. Д. Донского в ссылке. Попав в Нарымский край в 1924 г., он еще предполагал, что ПСР возможно возродить. Д. Донской, будучи опытным революционером, обладал способностью реально оценивать продуктивность подпольной партработы. Наблюдая постепенное укрепление правящего режима, Донской все яснее осознавал невозможность продолжения политической борьбы с большевиками. Так, если в середине 1920-х гг. он активно взаимодействовал с политсыльными Нарымского края, представляя собой наиболее авторитетное лицо в данном регионе в среде ссыльных социалистов, участвовал в товарищеских судах над теми из них, кто сотрудничал с чекистами, — то к концу 1920-х гг. Донской уже отрицал свои связи с политссылкой, а в семейной переписке демонстративно

²⁶ Мы очерчиваем лишь вкратце судьбу Д. Д. Донского — этой выдающейся личности посвящены работы биографической направленности. Нас интересуют те моменты, которые позволили бы судить о процессе адаптации Донского. О нём см.: [Дмитрий Дмитриевич Донской, 2000; Уразов, 1996; 252—265].

выказывал лояльность большевикам [Там же: 53—68]. Такое изменение в поведении, в терминологии М. Вебера, мы можем назвать целерациональным. Донской прибегал к мимикии своих антибольшевистских взглядов под комплиментарные, желая минимизировать риски. Подобные конформистские стратегии для самосохранения использовали практически все политсыильные, понимая, что большевистская власть в стране уже утвердилась.

Ильин Ростислав Сергеевич (1891—1937). Родился в Москве. Служащий из крестьян Московской губернии. Образование высшее — естественнонаучное отделение физико-математического факультета Московского университета. В 1920—1921 гг. привлекался ВЧК за принадлежность к ПСР, но был отпущен. Затем участвовал в ряде почвоведческих экспедиций, вел научную работу в данной сфере. В 1925 г. повторно обвинен в принадлежности к ПСР и отправлен в челябинский политизолятор на 3 года. В 1927 г. досрочно освобожден и отправлен этапом в ссылку в Нарымский край. В Сибири работал научным сотрудником на Васюганской агрометеостанции, участвовал в организации ряда почвоведческих и геологических экспедиций в бассейне Оби²⁷. Одним из первых ученых дал научное обоснование наличия нефтеносности Западно-сибирского региона. Преподавал в Томском университете. В 1937 г. расстрелян за принадлежность к мифической «Японо-эсеровской диверсионно-штурмовой террористической организации»²⁸.

Заключение

Благодаря реконструкции указанных выше биографий ряда представителей репрессированной интеллигенции, мы можем определить типические черты их жизнедеятельности в условиях несвободы. Во-первых, установлено преобладание конформистских стратегий их поведения. Среди рассмотренных биографий преобладали, по классификации, предложенной в дискуссиях начала 1920-х гг. о судьбах интеллигенции известным правоведом М. Рейнером,

²⁷ ГАНО. Ф. Р-209. Оп. 2. Д. 175.

²⁸ Ильин Ростислав Сергеевич, 1891—1937, почвовед-агроном. URL: <https://vgulage.name/authors/ilin-rostislav-sergeevich/> (дата обращения: 25.05.2024).

*реализаторы (приспособители) культуры*²⁹. В реализаторах уже априорно заложен конформизм, выраженный в жесткой привязке к потребностям общества (адаптация к обществу — распространение культуры в обществе, а не создание новых ценностей) [Красильников, 1998: 81—85].

Во-вторых, конформизм т. н. старой интеллигенции в раннесоветском обществе обусловлен существовавшими и постоянно ужесточавшимися режимными ограничениями. В данном случае под этим подразумеваются различного рода дискриминации: лишение избирательных прав (с последующими ограничениями); постоянное пристальное внимание чекистских ведомств к тем, кто имеет «потенциально опасное» прошлое; перлюстрация корреспонденции политссыльных; система «минусов» и пр. — одним словом, то, что Людтке охарактеризовал «силовым полем» власти. Интеллигенция в данный период в целом не могла претендовать на роль «властителей дум» из-за идеократической природы Советского государства, в котором доминирующей силой выступала ВКП(б).

В то же время вопрос о том, почему интеллигенция использовала конформизм — по причине «природной» или в связи с режимными ограничениями — остается открытым. Советская Россия имела, по выражению М. Дэвид-Фокса, интеллигентско-этатистскую форму модерности, выражавшуюся в том, что российская интеллигенция традиционно упиралась на сильное, всё контролирующее государство, которое должно было разрешить все насущные проблемы общества [Дэвид-Фокс, 2020: 106—116]. По всей видимости, конформизм интеллигенции постреволюционной эпохи стал вынужденной ценой за идеалы этатистски-ориентированных интеллигентов начала XX в.

Отдельный вопрос: «мимикрировали» ли рассмотренные выше репрессированные специалисты — или же сознательно

²⁹ Большевистский правовед М. Рейнер выделял две группы интеллигенции по функциональному признаку: творцов (творческая интеллигенция) и приспособителей (те, кто осуществляют распространение культуры, т. е. массовые «отряды» интеллигенции — врачи, преподаватели, спецы и т. д.) культуры. Более подробно изложение его взглядов см.: [Рейнер, 1922: 93—105].

поддержали большевиков? Это неизвестно. Источники личного происхождения позволили бы судить об этом, однако они в рассмотренных нами случаях единичны. Кроме того, семейная переписка Донского подвергалась перлюстрации, и на ее основании судить об искренности написанного им проблематично. В какой мере «шахтинцы» или же Брянцевы были искренни при внешнем проявлении лояльности большевикам в процессе своих ходатайств о возврате избирательных прав — судить с уверенностью нельзя. *Скорее всего, во взаимоотношениях с институтами власти они действовали в рамках существовавших норм, установленных для них.*

Требует дальнейших исследований оценка направлений и условий реализации ссыльными социокультурной деятельности в Сибири. Интеллигенты из традиционно более развитых районов Европейской России в результате вынужденных репрессий реализовывали свой интеллектуальный багаж в установленных для них властью условиях. Тем не менее очевидно, что, несмотря на достаточно жесткий режим контроля над ними со стороны «охранительных» органов, потребности местной власти в условиях дефицита специалистов приводили к pragmatическому применению их труда в различных сферах. Профессионализм ссыльных специалистов, высоко оцененный не только современниками, но последующими поколениями, становился, помимо намерений власти, фактором очевидного позитивного влияния на социальную и культурную ситуацию в регионе. В частности, врачебная по движническая деятельность Д. Д. Донского сохраняется в памяти нескольких поколений жителей Нарымского края, о чем свидетельствуют приведенные выше современные публикации о нем. Геологи, рассматривающие историю изучения проблемы нефтегазоносности Западной Сибири, включают в число «первопроходцев», в частности, Р. С. Ильина [Николаев, 1977: 51—52].

Можно выделить два вектора адаптации ссыльной интеллигенции к внешней среде — *политический и социально-экономический*.

1. Политическая адаптация: а) конформизм, б) активизм.
2. Социально-экономическая адаптация: а) профессиональная самореализация, б) изоляционизм.

В подавляющем большинстве случаев интеллигенция в сибирской ссылке избирала конформистскую стратегию политической

адаптации, но встречались и исключения, такие как протесты ссыльных большевиков-оппозиционеров во время кампании выборов в советы 1928—1929 гг. [Добрачев, 2024] или активность радикальных ссыльных социалистов (эсеров и анархистов), периодически встречающаяся в сводках ОГПУ по уездам / округам Сибкрай³⁰ [Измозик, 2024: 28—31].

Векторе социально-экономической адаптации можно также выделить подавляющую стратегию — профессиональную самореализацию. Изоляционизм был характерен лишь для колоний политических ссыльных в отдаленных районах Сибири (Нарыме, Туруханске).

Список источников

- Дмитрий Дмитриевич Донской / сост., авт. введ., лит. обраб., comment. Я. А. Яковleva; под. ред. Э. И. Черняка. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. 380 с.
- Добрачев П. Е. Опальные вельможи: протест ссыльных большевиков-оппозиционеров во время перевыборной кампании 1928—1929 годов в Сибири // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 166—175.
- Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М.: НЛО, 2020. 464 с.
- Измозик В. Глаза и уши режима: государственный политический контроль в Советской России, 1917—1928. М.: НЛО, 2024. 536 с.
- Ким В. И. Феномен «спецеедства» в раннем советском обществе (по письмам в редакцию «Рабочей газеты» 1922—1928 гг.) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2016. № 1. С. 48—54.
- Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.

³⁰ Подобный источник требует критического отношения. Как отмечает В. Измозик, зачастую составители сводок отстаивали ведомственные интересы, тем самым преувеличивая влияние «эсерствующих, кулацких, антисоветских» и пр. сил. Если мы обратимся к сводкам ОГПУ округов Сибирского края, где фигурирует активность эсеров, конкретики мы не увидим. Приведем пример. В информационном отчете Нарымского укома с октября по январь 1925 г. сигнализировалось, что «на политическое состояние уезда слишком влияет работа и агитация со стороны административно-ссыльных, главным образом, политических, меньшевиков и эсеров ... они ведут работу по срыву всех мероприятий соввласти, культурно-просветительной работы, пытаются разложить партийную и комсомольскую организацию» (ГАНО Ф. П-1. Оп. 1. Д. 99. Л. 118 об.).

- Красильников С. А.* Высылка и ссылка интеллигенции как элемент советской карательной политики (1920 — начало 1930-х гг.) // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920—1930-е гг.): сб. науч. тр. / под ред. С. А. Красильникова, Л. И. Пыстиной. Новосибирск: АООТ НОЗ ПТСиС, 1994. С. 24—60.
- Красильников С. А.* Феномен и природа конформизма российской интеллигенции в XX веке // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 8. С. 81—85.
- Людтке А.* История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / под ред. С. В. Журавлева, пер. с нем. и англ. К. А. Левинсона и др. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с.
- Николаев В. А.* Роль Академии наук в изучении нефтегазоносности Западно-Сибирской равнины // Академия наук и Сибирь, 1917—1957 гг.: 60-летию Великой Октябрьской соц. революции посвящается / под ред. А. П. Окладникова. Новосибирск: Наука. 1977. С. 49—63.
- Паперный В. З.* Культура Два. М.: НЛО, 2022. 416 с.
- Пинкин В. И.* Ссылка и высылка в Сибирь в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 274 с.
- Пыстини Л. И., Шер О. В.* Мобилизации специалистов (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х — 1930-е гг.) / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2013. С. 54—109.
- Рейснер М. А.* Интеллигенция как предмет изучения в плане научной работы // Печать и революция. 1922. № 1. С. 93—105.
- Рождественская Е. Ю.* Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. 381 с.
- Ссылка в 1920-е годы: публикация С. А. Красильникова // Минувшее: Исторический альманах. СПб.: Atheneum, Феникс, 1997. С. 175—239.
- Уразов С. П.* Инициалы Д. Д. Д. // Земля парабельская: сб. науч.-популяр. очерков / отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996. С. 252—265.
- Флиге И. А.* Гулаг как создатель биографического источника. Биографии Гулага: норма и маргинальность // Право на имя: биография как парадигма исторического процесса: Вторые чтения памяти Вениамина Иоффе: сб. докладов, Санкт-Петербург, 16—18 апр. 2004 г. / ред. И. А. Флиге. СПб.: НИЦ «Мемориал» (Министром РФ внесен в реестр иноагентов); Норд-вест, 2005. С. 79—99.

References

- Alloy, V. E. V. (ed.) (1997), ‘Exile in the 1920s’, in *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh* [The Past: Historical Almanac], Athenium, Phoenix, St. Petersburg, Russia: 214—227.

- Chernyak, E. I. (ed.) (2000), *Dmitrii Dmitrievich Donskoi* [Dmitry Dmitrievich Donskoy], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Devid-Foks, M. (2020), *Peresekaia granitsy: modernost', ideologiya i kul'tura v Rossii i Sovetskem Soiuze* [Crossing Borders: Modernity, Ideology and Culture in Russia and the Soviet Union], NLO, Moscow, Russia.
- Dobrachev, P. E. (2024), ‘Disgraced nobles: protest of exiled Bolshevik oppositionists during the re-election campaign of 1928—1929 in Siberia’, *Istoricheskii kur'er* [Historical Courier], no. 1 (33): 166—175.
- Flige, I. A. (2005), ‘Gulag as the creator of a biographical source. Biographies of the Gulag: norm and marginality’, in Flige, I. A. (ed.), *Pravo na imia: biografiia kak paradigmа istoricheskogo protsessa: Vtorye chteniiia pamiati Veniamina Iofe: sbornik dokladov* [Right to a Name: Biography as a Paradigm of the Historical Process: Second Readings in Memory of Veniamin Iofe: collection of reports], Sankt-Petersburg, Russia 16—18 April 2004, NITs «Memorial» ((included in the register of foreign agents by the Russian Ministry of Justice), Nord-vest, Saint Petersburg, Russia: 79—99.
- Izmozik, V. (2024), *Glaza i ushi rezhima: gosudarstvennyi politicheskii kontrol' v Sovetskoi Rossii, 1917—1928* [The eyes and ears of the regime: state political control in Soviet Russia, 1917—1928], NLO, Moscow, Russia.
- Kim, V. I. (2016), ‘The phenomenon of “special food” in early Soviet society (according to letters to the editors of Rabochaya Gazeta, 1922—1928)’, *Vestnik RUDN, seriiia: Iстория Rossii* [RUDN journal of Russian history], no. 1: 48—54.
- Korel, L. V. (2005), *Sotsiologiya adaptatsii: voprosy teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of adaptations: issues of theory, methodology and technique], Nauka, Novosibirsk, Russia.
- Krasilnikov, S. A. (1994), ‘Expulsion and exile of the intelligentsia as an element of Soviet punitive policy (1920 — early 1930s)’, in Krasilnikov, S. A. and Pystina, L. I. (eds), *Diskriminatsiya intelligentsii v poslerevoliutsionnoi Sibiri (1920—1930-e gody): sbornik nauchnykh trudov* [Discrimination against the intelligentsia in post-revolutionary Siberia (1920—1930s): a collection of scientific works], AOOT NOZ PTSiS, Novosibirsk, Russia: 24—60.
- Krasilnikov, S. A. (1998), ‘The phenomenon and nature of conformism of the Russian intelligentsia in the XX century’, *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Ural State University Journal], no. 8: 81—85.
- Ludtke, A. (2010), *Istoriia povsednevnosti v Germanii: Novye podkhody k izucheniiu truda, voiny i vlasti*, in Zhuravlev, S. V. (ed.), Translated by Levinson, K. A. and others, ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Nikolaev, V. A. (1977), ‘The role of the Academy of Sciences in studying the oil and gas potential of the West Siberian Plain’, in Okladnikova, A. P. (ed.), *Akademiiia nauk i Sibir'*, 1917—1957 gody: 60-letiiu

- Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii posviashchaetsia* [Academy of Sciences and Siberia, 1917—1957: dedicated to the 60th anniversary of the Great October Socialist Revolution], Nauka, Moscow, Russia: 49—63.
- Paperny, V. Z. (2022), *Kul'tura Dva* [Culture Two], NLO, Moscow, Russia.
- Pinkin, V. I. (2002), *Ssylka i vysylka v Sibir' v 1920-e gody* [Exile and deportation to Siberia in the 1920s], D. Sc. (History) Thesis, Novosibirskii gosudarstvennyi universitet, Novosibirsk, Russia.
- Pystina, L. I. and Sher, O. V. (2013), ‘Mobilization of specialists (late 1920s — early 1930s)’, in Krasil'nikov, S. A. (ed.), *Sotsial'naia mobilizatsiya v stalinskem obshchestve (konets 1920-kh — 1930-e gody)* [Social mobilization in Stalinist society (late 1920s — 1930s)], Novosibirskii gosudarstvennyi universitet, Novosibirsk, Russia: 54—109.
- Reisner, M. A. (1922), ‘The intelligentsia as a subject of study in terms of scientific work’, *Pechat' i revoliutsiia* [Printing and Revolution], no. 1: 93—105.
- Rozhdestvenskaya, E. Yu. (2012), *Biograficheskii metod v sotsiologii* [Biographical method in sociology], Izdatel'skii dom VShE, Moscow, Russia.
- Tinchenko, Ya. Yu. (preface) (2011), *Kniga ucheta lits, sostoivayshikh na osobom uchete byvshikh belykh ofitserov v organakh GPU Ukrayiny: v 4 tomakh* [The book of registration of persons who were on the special register of former white officers in the organs of the GPU of Ukraine: in 4 volumes], vol. I: A (Abaz) — G (Gyaguzov), SAGA, Kharkov, Ukraine, available at: <https://forum.vgd.ru/3299/117089/0.htm?ysclid=m1f6y28li2977610103> (Accessed 25 September 2024).
- Urazov, S. P. (1996), ‘Initials D. D. D.’ in Yakovlev, Ya. A. (ed.) *Zemlia parabel'skaia: sbornik nauchno-populiarnykh ocherkov* [Land of Parabel: collection of popular science essays] / ed. Ya. A. Yakovlev, Publishing house of Tomsk University, Tomsk, Russia: 252—265.
- Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 13.11.2024; принята к публикации 27.11.2024.*
- The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 13.11.2024; accepted for publication 27.11.2024.*

Информация об авторе / Information about the author

- П. Е. Добрачев*** — магистрант, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия.
- P. E. Dobrachev*** — Master's Degree student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.